904972.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Составила Л. Хавкина.

Цѣна 5 коп.

Пр. 2010

904972

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Николай Алексѣевичъ НЕКРАСОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Составила **Л. Хавкина.**

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
1903.

8Р
Х127

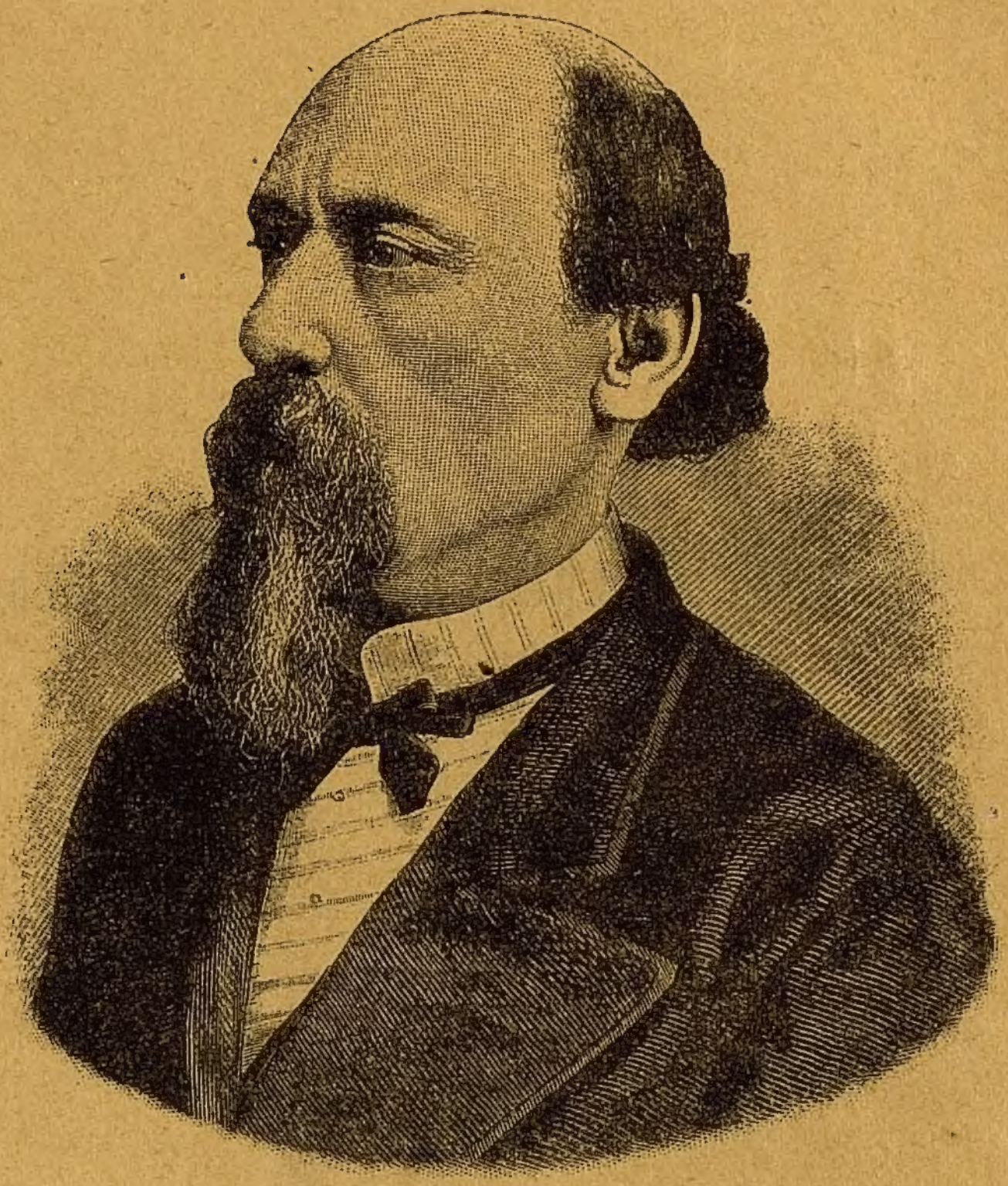
1.3(Некрасов)-4
персон

Дозволено цензурою. Москва, 27 ноября 1902 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск

904972

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.



Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

† 27 декабря 1877 г.

I.

Знаменитый русскій поэтъ Николай Алексѣевичъ Некрасовъ происходилъ изъ старинной дворянской семьи, когда-то очень богатой, но впослѣдствіи обѣднѣвшей и разорившейся. Онъ родился 22 ноября 1821 года въ маленькомъ мѣстечкѣ Подольской губ., гдѣ въ ту пору квартировалъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ Алексѣй Сергѣевичъ.

По службѣ Алексѣю Сергѣевичу приходилось постоянно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, и, такимъ образомъ, онъ исколесилъ почти всю Россію. Одно время онъ жилъ въ Варшавѣ и здѣсь познакомился съ семьею знатнаго поляка Закревскаго. У Закревскихъ была красавица-дочь Александра Андреевна. Некрасовъ посватался за нее, но родители и слышать не хотѣли, чтобы ихъ умная

и талантливая дочь вышла замужъ за небогатаго, мало образованнаго офицера и уѣхала далеко отъ родного дома. Мать умоляла ее одуматься, отецъ грозилъ ей проклятіемъ, но ни увѣщанія ни угрозы не остановили Александру Андреевну. Она всею душою полюбила Алексѣя Сергѣевича и рѣшила, даже помимо воли родителей, соединить съ нимъ свою судьбу.

Бракъ этотъ оказался несчастливымъ. Мужъ, ради котораго она всѣмъ пожертвовала, вскорѣ разлюбилъ ее и сталъ обращаться съ нею сурово и неласково. Молодая женщина, выросшая въ роскоши и довольствѣ, сразу извѣдала всѣ лишенія походной жизни. Достатки были малые. Домомъ нельзя было устроиться, какъ слѣдуетъ: только обживутся на одномъ мѣстѣ, какъ полкъ опять куда-нибудь переводится и снова надо отправляться въ путь съ малыми дѣтьми и со всѣмъ скарбомъ. Самые переѣзды на лошадяхъ — желѣзныхъ дорогъ тогда не было — во всякую погоду, особенно по грязи и ненастью, представляли большія трудности и неудобства.

Дослужившись до капитанскаго чина, Алексѣй Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи въ Ярославской губерніи. Александра Андреевна совсѣмъ не знала жизни помѣщиковъ и не представляла себѣ, что ожидаетъ ее въ новой обстановкѣ. Въ тѣ времена господствовало у насъ крѣпостное право; помѣщики, угнетая своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и пользуясь ихъ даровымъ трудомъ, сами проводили время въ праздности и грубыхъ забавахъ. Ей съ ея добрымъ и отзывчивымъ сердцемъ очень тяжело было все это видѣть.

Дѣтство будущаго поэта протекло въ деревнѣ среди многочисленной семьи — у него было тринадцать человѣкъ братьевъ и сестеръ. Печально проходили его юные годы и много грустныхъ впечатлѣній запало въ дѣтскую душу.

Въ старинной усадьбѣ Некрасовыхъ, на берегу Волги, зачастую раздавались звуки роговъ, вой собакъ и щелканье арапниковъ. Это отецъ Николая Алексѣевича со своими пріятелями выѣзжалъ на охоту. Выѣзжали они, обыкновенно,

рано утромъ, до зари, и въ домѣ, гдѣ всѣ трепетали передъ суровой волей хозяина, на нѣсколько часовъ наступала тишина. Крѣпостные въ это время могли вздохнуть свободнѣе, дѣти спокойно играли, и бѣдная Александра Андреевна пользовалась случаемъ, чтобы вволю наплакаться, гуляя по густымъ аллеямъ стараго заброшеннаго сада. Но наступалъ вечеръ. Съ крикомъ и гикомъ возвращались охотники. Въ домѣ зажигались огни и начиналась пирушка. Вино лилось рѣкою. Пьяные гости шумѣли, буянили, пѣли удалыя пѣсни, плясали. Ихъ пѣснямъ вторилъ вой охотничьихъ собакъ, которыя тутъ же подъ столомъ дожидались, чтобы имъ бросили подачку. Не мало грубыхъ шутокъ и издѣвательствъ выпадало на долю крѣпостныхъ, прислуживавшихъ за столомъ. И дѣти тоже присутствовали при этихъ картинахъ. Николай Алексѣевичъ не разъ потомъ вспоминалъ, какъ онъ, блѣдный, молчаливый мальчикъ, прижавшись къ стѣнѣ, слѣдилъ широко раскрытыми глазами за всѣми подробностями пирушки. А гости подсмѣивались надъ его угрюмымъ

видомъ и называли его волченкомъ. Мать не смѣла заступиться за ребенка, чтобы не вызвать бурной сцены, и сидѣла блѣдная и дрожащая отъ страха. Какъ только можно было вырваться, мальчикъ бѣжалъ къ старушкѣ-нянѣ, которая его любила и баловала, и разсказывалъ ей о своемъ горѣ.

Александра Андреевна очень страдала отъ крутого нрава и отъ безпорядочной жизни своего мужа. При всемъ томъ она была кротка и терпѣлива, и не только молча сносила всѣ обиды, но и всегда готова была ихъ простить. Мужественно несла она свою горькую долю въ теченіе двадцати лѣтъ, но не роптала, не жаловалась на судьбу и всю жизнь посвятила семьѣ. Доброта и состраданіе ея простирались на всѣхъ окружающихъ, ласковымъ, мягкимъ отношеніемъ она значительно облегчала участь крѣпостныхъ.

На дѣтей своихъ Александра Андреевна имѣла огромное вліяніе. Цѣлые дни проводила она съ ними. Они любили слушать ея пѣніе и игру на роялѣ. Въ долгіе зимніе вечера въ залѣ топился каминъ, озарявшій своимъ пламенемъ

большую комнату. Дѣти усаживались въ кружокъ около матери и она безъ конца разсказывала имъ „о рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ“; у нихъ разгорались глазки, и они мысленно уносились въ другой міръ, совсѣмъ не похожій на ихъ неприглядную жизнь. Но не однѣ сказки разсказывала имъ мать. Она много говорила имъ о труженикахъ, которыхъ надо уважать, о несчастныхъ, горемычныхъ людяхъ, которыхъ надо любить и жалѣть.

Некрасовъ всегда съ глубокимъ благоговѣніемъ и трогательной нѣжностью вспоминаетъ о своей матери. Въ одномъ стихотвореніи онъ описываетъ ее такъ:

Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная—
Молода умерла ты, прекрасная.

Поэтъ сознаетъ, что всѣми добрыми задатками онъ обязанъ только ей одной и говоритъ:

И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты

И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокіе черты —
О, мать моя, подвигнутъ я тобою,
Во мнѣ спасла живую душу ты!

Даже въ зрѣлые годы, въ безсонныя ночи, когда его мучатъ разныя сомнѣнія, когда на душѣ тяжело и на мысль приходитъ все пережитое, Некрасовъ опять-таки обращается къ памяти покойной матери:

Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать.

И съ тоскою молитъ онъ, чтобы она пришла его утѣшить:

Повидайся со мною, родимая,
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ...
Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою...

Онъ ждетъ отъ нея поддержки:

Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь!

II.

Николай Алексѣевичъ съ дѣтства отличался мужествомъ и рѣшимостью, и эти черты остались у него на всю жизнь. Интересно, какъ онъ старался побороть въ себѣ дѣтскій страхъ.

Однажды няня говоритъ:
„Не бѣгай ночью — волкъ сидитъ
За нашей ригой, а въ саду
Гуляютъ черти на пруду!“
И въ ту же ночь пошелъ я въ садъ.
Не то, чтобъ я чертямъ былъ радъ,
А такъ—хотѣлось видѣть ихъ.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Какъ будто съ умысломъ притихъ
Весь Божій міръ — и наблюдалъ,
Что дерзкій мальчикъ затѣвалъ!
И какъ-то не шагалось мнѣ
Въ всезрящей этой тишинѣ.
Не воротиться ли домой?
А то—какъ черти нападутъ
И потащатъ съ собою въ прудъ
И жить заставятъ подъ водой?
Однако, я не шелъ назадъ.
Играетъ мѣсяцъ надъ прудомъ,
И отражается на немъ

Береговыхъ деревьевъ рядъ.
Я постоялъ на берегу,
Послушалъ — черти ни гу-гу!
Я прудъ три раза обошелъ,
Но чортъ не выплылъ, не пришелъ!
Смотрѣлъ я межъ вѣтвей деревъ
И межъ широкихъ лопуховъ,
Что поросли вдоль береговъ,
Въ водѣ: не спрятался ли тамъ?
Узнать бы можно по рогамъ.
Нѣтъ никого! Пошелъ я прочь,
Нарочно сдерживая шагъ.
Сошла мнѣ даромъ эта ночь,
Но если бъ другъ какой иль врагъ
Засѣлъ въ кусту и закричалъ,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова надъ головой,—
Навѣрно бъ мертвый я упалъ!
Такъ, любопытствуя, давилъ
Я страхи ложные въ себѣ...

Жизнь въ деревнѣ научила Некрасова любить природу, понимать и цѣнить ея красоты. По утреннимъ зорямъ уходилъ онъ на берегъ Волги, помогалъ рыбакамъ закидывать сѣти, катался съ ними въ челнокѣ. Иногда съ ружьемъ бродилъ онъ по островамъ, любуясь на необъятную ширь могучей рѣки. Иногда для забавы скатывался онъ съ высокой кручи на песокъ или бросалъ камешки въ во-

ду, распѣвая громкія пѣсни. Но и на Волгѣ встрѣчалъ онъ тяжелыя картины: онъ видѣлъ, какъ вдоль берега шли бурлаки и лямкою тянули нагруженныя барки. И невыразимая жалость къ этимъ несчастнымъ людямъ наполняла сердце ребенка.

Началомъ своего умственнаго развитія Николай Алексѣевичъ обязанъ матери. Съ нею дѣлился онъ своими дѣтскими радостями и горестями, ей посвятилъ свои первые безсвязные стишки, которые сочинилъ, когда ему было семь лѣтъ.

Учиться онъ началъ довольно рано. По обычаю помѣщиковъ того времени, къ дѣтямъ взятъ былъ домашній учитель изъ семинаристовъ, который подготовлялъ ихъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ.

Въ 1832 году Н. А. Некрасова отдали въ ярославскую гимназію. Одиннадцатилѣтній мальчикъ, который до тѣхъ поръ всегда находился подъ гнетомъ строгаго отца, сразу очутился на свободѣ и зажилъ почти самостоятельной жизнью. Ученіе при этомъ шло не-

завидно; особенно плохо давались ему древніе языки. Тѣмъ не менѣе, онъ кое-какъ справлялся и дотянулъ до пятаго класса. Но тутъ случилась бѣда.

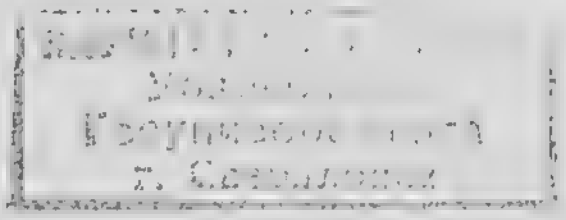
Въ часы досуга Николай Алексѣевичъ любилъ писать стихи, въ которыхъ осмѣивалъ товарищей и учителей. Одно такое стихотвореніе попалось на глаза начальству, у котораго онъ и безъ того былъ на дурномъ счету, и за этотъ проступокъ его исключили изъ гимназіи. Некрасову въ это время было пятнадцать лѣтъ, и старикъ-отецъ рѣшилъ, что самое лучшее будетъ отдать мальчика въ корпусъ, откуда онъ со временемъ выйдетъ офицеромъ и пойдетъ по военной службѣ. Снарядилъ онъ сына въ Петербургъ, далъ ему паспортъ, небольшую сумму денегъ и нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Юноша захватилъ еще съ собою завѣтную тетрадку стиховъ и отправился въ дальній путь одинъ-одинешенекъ.

III.

По прибытіи въ Петербургъ Николай Алексѣевичъ намѣревался въ точности исполнить волю отца, побывалъ у всѣхъ лицъ, къ которымъ имѣлъ рекомендаціи, и дѣло было почти улажено; но случайно Некрасовъ встрѣтился съ однимъ ярославскимъ товарищемъ, Глушицкимъ, который уже былъ студентомъ и съ увлеченіемъ занимался университетскими науками. Глушицкій сталъ отговаривать его отъ поступленія въ корпусъ и горячо убѣждалъ, что корпусъ не можетъ дать ни тѣхъ знаній, ни того развитія, какъ университетъ. Доводы товарища сильно подѣйствовали на Некрасова. Онъ склонялся къ тому, чтобы поступить въ университетъ, но опасался, что не выдержитъ вступительнаго экзамена, такъ какъ былъ слабъ по древнимъ языкамъ и математикѣ. Глушицкій и тутъ вызвался помочь и познакомилъ Николая Алексѣевича съ однимъ преподавателемъ семинаріи, который взялся

подготовить его. Тогда Некрасовъ окончательно рѣшилъ не поступать въ корпусъ и написалъ объ этомъ отцу. Старикъ Некрасовъ сильно разгнѣвался за самовольный поступокъ юноши и объявилъ, что не будетъ высылать ему ни одной копейки, если онъ не измѣнитъ своего рѣшенія.

Однако, Николай Алексѣевичъ не испугался ни отцовскаго гнѣва, ни предстоящей нужды. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало добиться того образованія, къ которому рвалась его душа. Вмѣстѣ съ однимъ студентомъ, къ которому родители приставили для услугъ крѣпостного мальчика, поселился онъ на окраинѣ города въ крохотной каморкѣ. Тяжела была ихъ жизнь: имъ приходилось терпѣть и холодъ и голодъ. Втроемъ они могли тратить не болѣе 15 коп. на ѣду, и обѣдъ брали изъ какой-то ужасной кухмистерской, о которой Некрасовъ всю жизнь не могъ вспомнить безъ содроганія. Даже на смертномъ одрѣ онъ говорилъ, что именно эти обѣды положили начало той болѣзни, которая сорокъ лѣтъ спустя свела его въ гробъ.



Однако, несмотря на тяжелыя условія, онъ усердно занимался и отлично сдалъ экзаменъ по латинскому языку; но зато по другому предмету онъ срѣзался, и потому ему удалось поступить въ университетъ не студентомъ, а лишь вольнослушателемъ.

Три года посѣщалъ Некрасовъ университетъ. Средствъ для жизни у него попрежнему не было, такъ какъ неумолимый отецъ сдержалъ свое слово и не присылалъ ему денегъ. Приходилось кое-какъ перебиваться грошовыми уроками или какой-нибудь случайно подвернувшейся работой, а если работы не было, то оставалось одно—голодать. Объ этомъ тяжеломъ времени самъ Некрасовъ писалъ впослѣдствіи: „Ровно три года я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторанъ на Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для виду газету, а самъ пододвинешь тарелку съ

хлѣбомъ и ѣшь“... Наконецъ, силы Некрасова не выдержали: онъ тяжело и опасно заболѣлъ. Доктора объясняли его болѣзнь постояннымъ голоданіемъ и уже не надѣялись, что онъ выздоровѣетъ. Однако, молодость поборола недугъ, и Некрасовъ сталъ поправляться.

Болѣзнь еще ухудшила его бѣдственное положеніе. За это время у него не было никакихъ заработковъ. Онъ нанималъ комнату у какого-то унтеръ-офицера, которому задолжалъ во время болѣзни около сорока рублей. Хозяинъ и хозяйка сильно безпокоились, что жилецъ умретъ, и ихъ деньги пропадутъ. Они безъ стѣсненія говорили объ этомъ, нисколько не смущаясь, что больному чрезъ тонкую перегородку слышно было каждое ихъ слово. Кончилось тѣмъ, что однажды хозяинъ пришелъ къ Некрасову и сказалъ:

— Я самъ человѣкъ бѣдный и рисковать своими деньгами не могу. Успокойте меня: напишите расписку въ томъ, что вы отдаете мнѣ всѣ вещи въ уплату долга.

Некрасовъ исполнилъ эту просьбу, написалъ, что оставляетъ ему свой чемоданъ, книжки и одежду. Онъ думалъ, что хозяева, пожалуй, и хоронить его не станутъ, если онъ умретъ, да и люди они были, дѣйствительно, бѣдные.

Черезъ нѣкоторое время Некрасову стало, однако, лучше и онъ уже настолько оправился, что рѣшилъ пойти проводить одного знакомаго студента. Этотъ знакомый жилъ очень далеко отъ его квартиры. Некрасовъ за спорами и разговорами засидѣлся у товарища до поздняго вечера. Возвращаясь домой, онъ усталъ и сильно прозябъ, такъ какъ на немъ было плохенькое пальто, а дѣло происходило осенью.

Подходитъ онъ къ дверямъ, звонитъ разъ, другой, но его не впускаютъ; говорятъ, что его комната сдана уже другому жильцу, а хозяева за долгъ взяли всѣ его вещи по распискѣ, которую онъ имъ выдалъ во время болѣзни, и считаютъ себя вполнѣ удовлетворенными. Грустно и горько стало бѣдному Некрасову. Онъ очутился одинъ на улицѣ, полубольной, озябшій, безъ крова

и пріюта въ осеннюю, сырую и холодную ночь. Побрелъ онъ, куда глаза глядятъ, не сознавая даже, что онъ дѣлаетъ. Добрался онъ до большого ресторана, у дверей котораго стояла скамейка. Тутъ онъ присѣлъ и отъ усталости и слабости заснулъ. Его разбудилъ проходившій мимо старикъ-нищій, который узналъ въ несчастномъ юношѣ своего брата-бѣдняка и, сжалившись надъ нимъ, позвалъ его съ собою ночевать. Отправились они опять черезъ весь городъ. На концѣ отдаленной глухой улицы стоялъ деревянный полуразвалившійся домикъ, куда они и вошли. Въ домѣ оказалось много народу. Все это были нищіе, которые собирались сюда на ночлегъ. Среди нихъ провелъ ночь и Некрасовъ и даже заработалъ здѣсь пятнадцать копеекъ за то, что написалъ кому-то прошеніе.

IV.

Всю раннюю молодость Николай Алексѣевичъ Некрасовъ провелъ въ нуждѣ и лишеніяхъ. Только съ 1840 года стало ему житься легче. Онъ получилъ приглашеніе давать уроки въ одномъ частномъ мужскомъ пансіонѣ. Уроки оплачивались порядочно, и ему уже не грозила опасность ночевать подъ открытымъ небомъ или сидѣть безъ куска хлѣба. Черезъ нѣкоторое время онъ даже успѣлъ скопить небольшую сумму денегъ, чтобы издать сборникъ своихъ дѣтскихъ и юношескихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Мечты и звуки“. Къ этому его побуждалъ одинъ хорошій знакомый, который вызвался распродать часть изданія заранѣе, по подпискѣ. Книжечка была напечатана; имя и фамилія автора на ней были обозначены только первоначальными буквами: Н. Н. Однако, эти стихотворенія Некрасова были еще настолько слабы, что онъ самъ впослѣдствіи стыдился ихъ и

даже скупалъ и истреблялъ экземпляры маленькаго томика, оставшіеся въ книжныхъ магазинахъ, чтобы они никому не показались на глаза.

Переживая тяжолую нужду, Некрасовъ прибѣгалъ къ литературнымъ занятіямъ, чтобы заработать хлѣбъ насущный. Онъ не могъ тогда разбирать и долженъ былъ выполнять всякія работы, которыя ему заказывали, хотя бы его душа не лежала къ нимъ: иначе ему грозилъ голодъ. Такимъ образомъ, писалъ онъ водевили для театра, сказки и разсказы для полуграмотныхъ кулаковъ-издателей. Теперь же, когда положеніе его сдѣлалось болѣе обезпеченнымъ и ему не нужно было писать, какъ на поденщину, онъ могъ употреблять свободное время и на чтеніе и на правильное развитіе своего литературнаго таланта. Онъ писалъ ужъ не по принужденію и въ своихъ сочиненіяхъ высказывалъ то, что самъ передумалъ и перечувствовалъ. Эти работы онъ относилъ къ издателямъ болѣе или менѣе извѣстныхъ журналовъ, и нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны. Сталъ онъ

также много бывать въ обществѣ, посѣщая самые разнообразные кружки: великосвѣтскіе, чиновные, литературные, театральные, студенческіе и друг. Здѣсь онъ знакомился съ жизнью всѣхъ слоевъ русскаго населенія, но больше всего его интересовалъ кружокъ людей, занимавшихся литературой.

Въ тѣ времена огромное вліяніе на русскую литературу имѣлъ знаменитый критикъ Бѣлинскій, который замѣчательно умѣлъ оцѣнять молодые таланты, указать имъ ихъ истинное призваніе и дать дѣльные совѣты. Бѣлинскій обратилъ вниманіе на нѣсколько небольшихъ статей Некрасова, которыя были помѣщены въ журналѣ „Отечественныя Записки“, гдѣ принималъ участіе и онъ самъ и многіе выдающіеся писатели. Однако, онъ думалъ сначала, что Некрасовъ останется не больше, какъ полезнымъ журнальнымъ сотрудникомъ. Мнѣніе его совершенно измѣнилось послѣ того, какъ Некрасовъ принесъ и прочелъ ему свое стихотвореніе: *Въ дорогѣ*. Это стихотвореніе рисуетъ картинку изъ временъ крѣпостного права:

Скучно! скучно!... Ямщикъ удалой,
Разгони чѣмъ-нибудь мою скуку!
Пѣсню, что̀ ли, пріятель, запой
Про рекрутскій наборъ и разлуку;
Небылицей какой посмѣши,
Или что ты видалъ, разскажи,—
Буду, братецъ, за все благодаренъ.—
„Самому мнѣ невесело, баринъ:
Сокрушила злодѣйка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
Въ барскомъ домѣ была учена
Вмѣстѣ съ барышней разнымъ наукамъ,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варганѣ играть и читать—
Всѣмъ дворянскимъ манерамъ и штукамъ.
Одѣвалась не то, что у насъ
На селѣ сарафанницы наши,
А примѣрно представить, въ атласъ,
Ѣла вдоволь и меду, и каши,
Видъ вальяжный имѣла такой,
Хоть бы барышнѣ, слышь ты, природной,
И не то, что нашъ братъ крѣпостной,
То-ись сватался къ ней благородный—
(Слышь, учитель - ста врѣзамшись былъ,
Баитъ кучеръ, Иванычъ Торопка),
Да, знать, счастья ей Богъ не судилъ:
Не нужна-ста въ дворянствѣ холопка!
Вышла замужъ господская дочь,
Да и въ Питеръ... А справивши свадьбу,
Самъ - атъ, слышь ты, вернулся въ усадьбу,

Захворалъ и на Троицу въ ночь
Отдалъ Богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ зятекъ—
Перебралъ по ревизіи души
И съ запашки ссадилъ на оброкъ,
А потомъ добрался и до Груши...
Знать, она согрубила ему
Въ чемъ-нибудь, али напросто тѣсно
Вмѣстѣ жить показалось въ дому,
Понимаешь-ста, намъ неизвѣстно,—
Воротилъ онъ ее на село—
Знай-де мѣсто свое ты, мужичка!
Взвыла дѣвка—крутенько пришло:
Бѣлоручка, вишь ты, бѣлоличка!
Какъ на грѣхъ, девятнадцатый годъ
Мнѣ въ ту пору случись... посадили
На тягло—да на ней и женили...
То-ись, сколько я нажилъ хлопотъ!
Видъ такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грѣхъ сказать, чтобъ лѣнива была,
Да, вишь, дѣло въ рукахъ не спорилось!
Какъ дрова или воду несла,
Какъ на барщину шла—становилось
Инда жалко подчасъ... да куды!—
Не утѣшить ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей въ сарафанѣ неловко.
При чужихъ и туда, и сюда,
А украдкой реветъ, какъ шальная...
Погубили ее господа,

А была бы бабенка лихая!
На какой-то патретъ все глядитъ,
Да читаетъ какую-то книжку...
Инда страхъ меня, слышь ты, щемитъ,
Что погубитъ она и сынишку:
Учитъ грамотѣ, моетъ, стрижетъ,
Словно барченка каждый день чешетъ,
Бить не бьетъ—бить и мнѣ не даетъ...
Да недолго пострѣла потѣшитъ!
Слышь, какъ щепка худа и блѣдна,
Ходитъ, то-исъ, совсѣмъ черезъ силу,
Въ день двухъ ложекъ не съѣстъ толокна—
Чай, свалимъ черезъ мѣсяцъ въ могилу...
А съ чего?.. Видитъ Богъ, не томилъ
Я ее безустанной работой...
Одѣвалъ и кормилъ, безъ пути не бранилъ,
Уважалъ, то-исъ, вотъ какъ,—съ охотой...
А, слышь, бить—такъ почти не бивалъ,
Развѣ только подъ пьяную руку“...
— Ну, довольно, ямщикъ! Разогналъ
Ты мою неотвязную скуку!..

— Да знаете ли вы, что вы поэтъ и поэтъ истинный?—со слезами на глазахъ воскликнулъ Бѣлинскій, когда Некрасовъ окончилъ чтеніе.

Съ той поры между ними установилась самая тѣсная дружба. Одобреніе великаго писателя и его совѣты имѣли

громадное значеніе для Некрасова такъ же, какъ и знакомство съ кружкомъ литераторовъ, которые сгруппировались около Бѣлинскаго. Въ ихъ общихъ разговорахъ, бесѣдахъ, спорахъ вырабатывались ихъ взгляды на жизнь и на литературу, которая служитъ отраженіемъ жизни. Попавъ въ этотъ кружокъ, Некрасовъ почувствовалъ, что и онъ призванъ быть писателемъ, и, оставивъ занятія въ пансіонѣ, рѣшилъ посвятить любимому дѣлу всѣ свои силы.

Нужда, пережитая Некрасовымъ въ юные годы, закалила его въ борьбѣ съ жизненными препятствіями и въ то же время выработала въ немъ предпріимчивость и нѣкоторую коммерческую жилку. Онъ сталъ придумывать и частью осуществлять изданія разныхъ литературныхъ сборниковъ, въ которыхъ печатались произведенія не только его самого, но и другихъ славныхъ русскихъ писателей, напримѣръ, Григоровича, Достоевскаго, Тургенева, которые тогда тоже только начинали свою дѣятельность.

Изданія имѣли успѣхъ и приносили Некрасову доходъ, хотя и незначитель-

ный. Ободренный этимъ успѣхомъ, Некрасовъ задумалъ заняться изданіемъ какого-нибудь большого журнала, въ которомъ могъ бы работать кружокъ Бѣлинскаго, терпѣвшій большія непріятности и притѣсненія отъ издателя „Отечественныхъ Записокъ“. Остановка была только за деньгами, но и деньги нашлись. Ихъ далъ принадлежавшій къ тому же кружку писатель Панаевъ, который для этого продалъ лѣсъ въ своемъ имѣніи. Некрасовъ вмѣстѣ съ Панаевымъ купили право на изданіе журнала „Современникъ“, основаннаго еще А. С. Пушкинымъ.

Когда въ 1847 году вышла первая книжка „Современника“ при новыхъ издателяхъ, то Бѣлинскій смотрѣлъ на нее съ умиленіемъ, какъ на родное дѣтище. Работа закипѣла. Некрасову приходилось не только самому много писать для журнала, но и вести всю сложную хозяйственную часть изданія. Надо было закупать бумагу для печатанія, вступать въ соглашеніе съ типографіями, слѣдить, чтобы книжка не запаздывала выходомъ, чтобы во-время

была разослана подписчикамъ и т. д. Благодаря участію превосходныхъ силъ, благодаря энергіи и неутомимости издателей, „Современникъ“ сдѣлался самымъ лучшимъ и самымъ распространеннымъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Однако, для „Современника“ вскорѣ наступило бѣдственное время. Въ 1848 г. умеръ Бѣлинскій. Уже одна эта утрата была очень велика. Послѣ его смерти Некрасову пришлось еще больше прежняго работать для журнала, и неустанная, изнурительная работа вмѣстѣ съ лишеніями, которыя онъ пережилъ въ молодости, вызвала серіозную болѣзнь, отъ которой онъ чуть не умеръ. На зиму его послали въ Италію, но и тамъ ему не стало лучше, такъ что онъ опять возвратился въ Петербургъ. Всѣ думали, что положеніе его безнадежно, и ждали смерти со дня на день. Тяжело было на душѣ бѣдному Некрасову. Недаромъ онъ писалъ въ то время:

...Рано смерть идетъ
И жизни жаль мучительно. Я молодъ,
Теперь поменьше мелочныхъ заботъ
И рѣже въ дверь мою сгучится голодъ.
Теперь бы могъ я сдѣлать что-нибудь!

Однако, болѣзнь, которую считали за горловую чахотку, неожиданно приняла благопріятный оборотъ, и Некрасовъ выздоровѣлъ.

V.

Съ конца пятидесятыхъ годовъ журнальная дѣятельность вновь оживилась. Уже подготовлялось великое событіе— освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и просвѣщенные люди Россіи не могли не откликнуться на него всею душой. Въ „Современникъ“ снова стеклись талантливые писатели, и этотъ журналъ опять пріобрѣлъ свое прежнее значеніе.

Некрасовъ въ ту пору былъ уже зрѣлымъ и сложившимся человѣкомъ, и поэтическій талантъ его развернулся въ полномъ цвѣтѣ. Одно за другимъ создавалъ онъ свои лучшія стихотворенія, которыя печатались на страницахъ „Современника“. И не статьи, не повѣсти и разсказы, написанные Некрасовымъ въ разное время, а именно стихотворенія сдѣлали имя его близкимъ и доро-

гимъ для Россіи. Они замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ съ необычайной силой и яркостью изображена русская жизнь, какъ она есть въ дѣйствительности, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Некрасовъ съ глубокимъ знаніемъ, правдиво и вѣрно рисуетъ бытъ русскаго народа, начиная отъ роскошныхъ квартиръ богачей до подвала ремесленника, отъ барской усадьбы и до полуразвалившейся хижины убогой крестьянки. Онъ одинъ изъ первыхъ началъ описывать жизнь бѣдняковъ, горе и страданія, которыя имъ приходится переживать, и его трогательныя описанія вызываютъ сочувствіе и жалость къ несчастнымъ и обездоленнымъ, желаніе помочь имъ, облегчить ихъ судьбу.

Въ 1866 году прекратилось изданіе „Современника“. Некрасовъ такъ привыкъ къ журнальной работѣ, что отсутствіе ея было для него тяжело. Прошло два года, и онъ взялъ въ аренду „Отечественныя Записки“, въ которыхъ сталъ принимать такое же горячее участіе, какъ прежде въ „Современникѣ“.

Некрасовъ мало-по-малу достигъ и извѣстности, и почета, и богатства. Въ гостяхъ у него бывали важныя особы; ужины, которые онъ задавалъ, славились на весь Петербургъ. Но не тѣшило его все это. Все чаще и чаще находили на него приступы тоски, когда онъ по два дня не показывался изъ своей комнаты и твердилъ, что все ему въ жизни надоѣло, а больше всего онъ самъ себѣ опротивѣлъ.

Зиму Николай Алексѣевичъ проводилъ въ Петербургѣ, а лѣтомъ уѣзжалъ или въ имѣніе къ брату, или на свою дачу въ Чудовѣ (близъ Петербурга). Въ деревню особенно влекла его страсть къ охотѣ, которую онъ унаслѣдовалъ отъ отца. Сестра его разсказываетъ, что когда ему было десять лѣтъ, онъ впервые застрѣлилъ дикую утку на озерѣ. Былъ октябрь; окраины озера уже заволокло льдомъ, и собака не шла въ воду. Онъ поплылъ самъ за уткой и досталъ ее. Это стоило ему горячки, но отъ охоты не отвадило. Любилъ онъ тоже ѣздить верхомъ и самъ не разъ вспоминалъ, какъ его въ дѣтствѣ къ

этому пріучали: однажды онъ восемнадцать разъ въ день упалъ съ лошади. Хорошо, что дѣло было зимой: лежалъ глубокій снѣгъ, и онъ не очень расшибся. Зато послѣ всю жизнь онъ не боялся никакой самой бѣшеной лошади и смѣло садился на нее.

Охота служила для Некрасова не одною только забавою, а также и средствомъ знакомиться съ народомъ. Въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ охотился, у него были свои знакомцы—мужики-охотники. Онъ до каждаго доѣзжалъ и, поохотившись въ его мѣстности, забиралъ его съ собою; компанія все увеличивалась, и черезъ нѣсколько дней они возвращались всѣ вмѣстѣ уже на четырехъ-пяти тройкахъ. Остановка и ночлеги въ деревняхъ и разсказы спутниковъ знакомили Некрасова съ бытомъ русскаго мужика, и онъ въ каждой поѣздкѣ почерпалъ содержаніе и вдохновеніе для своихъ произведеній. Такъ написаны были: „Коробейники“, „Крестьянскія дѣти“, „Дѣдушка Мазай и зайцы“ и др. Орина, мать солдатская, сама разсказывала ему о своей великой печали, и онъ

нѣсколько разъ дѣлалъ крюкъ, чтобы поговорить съ ней, а то боялся, что ошибется въ какой-нибудь подробности. Разгуливая съ ружьемъ и собакой по лѣсамъ и полямъ, Некрасовъ наблюдалъ также картины природы, которыя потомъ описывалъ поразительно хорошо.

Близкіе знакомые разсказываютъ, что Некрасовъ, сочиняя какое-нибудь стихотвореніе, обыкновенно цѣлыми часами ходилъ по комнатѣ и говорилъ его вслухъ. Если стихотвореніе было длинное, то онъ для отдыха ложился на диванъ, потомъ вставалъ и опять принимался ходить. Окончивъ устно сочинять стихотвореніе, онъ записывалъ его на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги и почти никогда не дѣлалъ въ немъ измѣненій. Память у Некрасова была изумительная. Онъ могъ прочесть наизусть любое изъ своихъ стихотвореній, когда бы то ни было сочиненныхъ. Помнилъ онъ также много стиховъ и другихъ русскихъ поэтовъ.

Съ 1875 года у Некрасова появились зловѣщіе признаки болѣзни, которая мучила его болѣе двухъ лѣтъ. Сначала

онъ перемогался, продолжая вести прежнюю жизнь, и былъ увѣренъ, что болѣзнь не представляетъ ничего серьезнаго и скоро пройдетъ. Однако, желанное улучшеніе не наступало, и ему, напротивъ, становилось все хуже и хуже. Боли все увеличивались и дошли до нестерпимыхъ, адскихъ мукъ.

Какъ нищій проситъ хлѣба,
Смерти, смерти я прошу у неба! —

восклицалъ больной. Не помогла ни поѣздка въ Крымъ, ни операція, сдѣланная знаменитымъ врачомъ, котораго вызвали изъ Вѣны.

„Худо мнѣ! — писалъ Некрасовъ весною 1877 г. — мой домъ — постель. Мой міръ — двѣ комнаты: пока освѣжаютъ одну — лежу въ другой“...

Пользовавшій Некрасова русскій врачъ такъ рисуетъ картину страданій, которыя онъ переживалъ:

„Тяжелое впечатлѣніе производила похудалая фигура Николая Алексѣевича во время болей, прикрытая всегда одной только длинной рубашкой, спускавшейся до колѣнъ. Тогда онъ буквально не

находилъ себѣ мѣста: или вскакивалъ и ходилъ съ палкой по комнатѣ, или становился на четвереньки на постель, или ложился, но и лежа не могъ оставаться покойно 10 минутъ... Раздражительность его въ это время достигла крайнихъ предѣловъ, а боли были такъ велики, что онъ часто кричалъ или же по часамъ тянулъ громко какую-то однообразную ноту, напоминающую бурлацкую пѣсню на Волгѣ“...

Однако, въ рѣдкія минуты успокоенія отъ болей, Некрасовъ не переставалъ работать насколько хватало возможности. Мысли его постоянно обращались къ матери, и въ послѣднихъ своихъ стихотвореніяхъ онъ не перестаетъ ее вспоминать. И кажется ему, что онъ слышитъ ея чудный голосъ, который зоветъ его „подъ сѣнь покоя“ и говоритъ, чтобы онъ не боялся „горькаго забвенія“, такъ какъ родина всегда будетъ его помнить

„Послѣднія пѣсни“ Некрасова, напечатанныя въ „Отечественныхъ Запискахъ“, возбудили живое участіе къ умирающему поэту. Ежедневно получалась масса

сочувственныхъ писемъ и телеграммъ изъ разныхъ мѣстъ, часто изъ самыхъ глухихъ уголковъ Россіи. Отсюда Николай Алексѣевичъ могъ заключить, какъ высоко цѣнитъ родина его талантъ и какъ тепло и задушевно относится къ нему. Несмотря на скрытность своего характера, Николай Алексѣевичъ не могъ не показывать своимъ близкимъ, какъ его трогаютъ эти выраженія сочувствія. Онъ воспрянулъ духомъ, сталъ разговорчивѣе, охотно вспоминалъ событія изъ своей жизни и случаи изъ знакомства съ различными знаменитостями. Задумалъ онъ даже составить свое жизнеописаніе и принялся за дѣло, диктуя во всѣ свободныя отъ болей минуты то брату, то сестрѣ. Иногда онъ даже ночью будилъ кого-нибудь изъ нихъ и заставлялъ писать подъ диктовку.

Знакомые и пріятели постоянно навѣщали его, но положеніе его все ухудшалось, и онъ опять впалъ въ мрачное состояніе духа,—лежалъ большею частью съ раскрытыми глазами, вперивъ взглядъ въ одну точку, почти не разговаривалъ

и только произносилъ какое-нибудь слово, если ему задавали вопросъ.

Посѣтилъ больного и его другъ юности, И. С. Тургеневъ, съ которымъ онъ послѣ одной размолвки прервалъ всякія сношенія. Тургеневъ трогательно описываетъ это свиданіе:

„Мы были когда-то короткими, близкими друзьями. Но насталъ недобрый мигъ, — и мы разстались, какъ враги.

Прошло много лѣтъ... И вотъ, заѣхавъ въ городъ, гдѣ онъ жилъ, я узналъ, что онъ безнадежно боленъ и желаетъ видѣться со мною.

Я отправился къ нему, вошелъ въ его комнату.

Взоры наши встрѣтились.

Я едва узналъ его. Боже! что съ нимъ сдѣлалъ недугъ!..

Желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородой, онъ сидѣлъ въ одной, парочно изрѣзанной, рубахѣ... Онъ не могъ сносить давленія самаго легкаго платья. Порывисто протянулъ онъ мнѣ свою страшно обглоданную руку, усиленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, —

привѣтъ ли то былъ, упрекъ ли, — кто знаетъ? Изможденная грудь заколыхалась — и на суженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатились двѣ скупыя, страдальческія слезинки.

Сердце во мнѣ упало... Я сѣлъ на стулъ возлѣ него и, опустивъ невольно взоры передъ тѣмъ ужасомъ и безобразіемъ, также протянулъ руку.

Но мнѣ чудилось, что между нами, сидитъ высокая бѣлая, тихая женщина. Длинный покровъ облекаетъ ее съ ногъ до головы. Никуда не смотрятъ ея глубокіе, блѣдные глаза, ничего не говорятъ ея блѣдныя, строгія губы...

Эта женщина соединила наши руки. Она навсегда примирила насъ.

Да... Смерть насъ примирила“...

Тургеневъ не ошибся, что смерть была близка. Съ ноября 1877 года больной видимо слабѣлъ, а 14 декабря онъ сталъ уже невнятно говорить, лишился употребленія правой руки и ноги. 27 декабря началась агонія, и къ вечеру Некрасовъ отошелъ въ вѣчность.

Похороны происходили 30 декабря въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Несмо-

тря на сильный морозъ, вслѣдъ за гробомъ шла толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, чтобы отдать послѣднія почести любимому поэту. Надъ свѣжею могилой произнесены были прочувствованныя рѣчи, и послѣ похоронъ толпа разошлась, унося въ сердцахъ глубокую печаль.

VI.

Умеръ Некрасовъ, но память о немъ не умерла, и его произведенія всегда будутъ говорить намъ о поэтѣ, который своимъ словомъ будилъ въ людяхъ добрыя чувства. Поэзія всегда имѣетъ большое воспитательное вліяніе на людей. Изображая жизнь въ картинахъ, она учитъ людей жить. Она замѣняетъ имъ собственный опытъ въ жизни, пріучаетъ ихъ размышлять надъ тѣмъ, что въ жизни хорошо и что дурно, пріучаетъ стремиться къ добру и справедливости и избѣгать всего дурного и порочнаго.

Разсмотримъ нѣсколько стихотвореній Некрасова, чтобы видѣть, о чемъ онъ писалъ, чему онъ училъ.

Необыкновенной задушевностью и нѣжностью проникнуты всѣ его стихотворенія, гдѣ онъ говоритъ о дѣтяхъ. Онъ любитъ ихъ всею душою за ихъ незлобивость и кротость, за ихъ хорошіе задатки. Вотъ передъ нами *Крестьянскія дѣти*. Трогательно звучитъ описаніе дѣтворы, которую Некрасовъ видѣлъ однажды, когда, утомленный охотою, забрелъ въ какой-то сарай и тамъ заснулъ.

...Проснулся...
Чу! шопотъ какой-то... а вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ!
Все сѣрые, каріе, синіе глазки —
Смѣшались какъ въ полѣ цвѣты.
Въ нихъ столько покоя, свободы и ласки,
Въ нихъ столько святой доброты!
Я дѣтскаго глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда...

Съ любовью описываетъ Некрасовъ игры и забавы крестьянскихъ дѣтей: какъ они ходятъ въ лѣсъ по грибы, какъ купаются въ рѣчкѣ, какъ слушаютъ разсказы прохожихъ людей. Случится, что въ деревню забредетъ мастеровой, — они все допытываются, какъ онъ работаетъ своими инструментами, а заснетъ онъ, — начнутъ сами пробо-

вать, да „иступятъ пилу — не наточишь и въ сутки; сломаютъ буравъ—и съ испугу—бѣжать“.

Рано начинаютъ крестьянскія дѣти помогать своимъ трудомъ въ семьѣ:

Кто няньчитъ сестренку, двухлѣтнюю Глашку,
Кто тащитъ на пожню ведерко кваску...

По этому поводу вспоминаетъ Некрасовъ, какъ ему въ деревнѣ пришлось видѣть маленькаго мальчика, который съ сознаніемъ всей важности исполняемаго имъ дѣла раздѣлялъ работу съ отцомъ:

Однажды въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу, поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ.
И шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ-уздцы мужичокъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ... а самъ—съ ноготокъ!
— Здорово, парнище! — „Ступай себѣ мимо!“
— Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
Откуда дровишки? — „Изъ лѣсу, вѣстимо:
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу“.
(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка.)
— А что, у отца-то большая семья? —

„Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я...“
— Такъ вотъ оно что! А какъ звать тебя?—
„Власомъ“.
— А кой тебѣ годикъ? — „Шестой миновалъ...
Ну, мертвая!“ крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ-уздцы и быстрѣй зашагалъ.

Въ стихотвореніи *Школьникъ* Некрасовъ рисуетъ крестьянскаго мальчика, который, какъ нѣкогда Ломоносовъ, идетъ издалека въ „городъ“ учиться. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, — помогутъ ребенку добиться желаннаго образованія: тотъ дорогой подвезетъ, другой поможетъ деньгами или еще чѣмъ-нибудь и выведутъ мальчика въ люди.

Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ —
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мнѣ, дружокъ! —
Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися, что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.
Вижу я въ котомкѣ книжку:
Такъ, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ;

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачокъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ.
Или, можетъ, ты дворовый
Изъ отпущенныхъ?.. Ну, что жъ!
Случай тоже ужъ не новый, —
Не робѣй, не пропадешь!
Скоро самъ узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ,
По своей и Божьей волѣ,
Сталъ разуменъ и великъ.
Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ —
Кто-нибудь свезетъ въ Москву.
Будешь въ университетѣ, —
Сонъ свершится на яву!
Тамъ ужъ поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

И радостно, бодро смотритъ Некрасовъ на свою родину, глубоко вѣритъ въ ея силы:

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то-и-знай, —
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди тупыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!

VII.

Съ такимъ же глубокимъ чувствомъ, какъ и о дѣтяхъ, говоритъ Некрасовъ о женщинахъ. Онъ учитъ насъ, что надо уважать

Великое, святое слово *мать*.

Много случаевъ разсказываетъ онъ, много картинъ рисуетъ, гдѣ въ различной обстановкѣ передъ нами является мать,—то счастливая, то несчастная, беззавѣтно, безмѣрно любящая своихъ дѣтей, готовая принести для нихъ всякую жертву, положить за нихъ всю душу. И несомнѣнно, что кроткій образъ собственной страдалицы - матери повліялъ на такое отношеніе поэта къ матерямъ вообще.

Передъ горемъ матери блѣднѣетъ всякое другое горе; всѣ остальные утѣшатся; мать не забудетъ никогда:

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...

Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

А вотъ и одна изъ неутѣшныхъ матерей — *Орина, мать солдатская*:

Чуть живые, въ ночь осеннюю
Мы съ охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогодняго,
Слава Богу, добираемся.
— Вотъ и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка?
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!
Посѣтила ли кручинушка?
Молви, — можетъ, и размыкаю.—
И повѣдала Оринушка
Мнѣ печаль свою великую.
— Восемь лѣтъ сынка не видѣла,
Живъ ли, нѣтъ — не откликается,
Ужъ и свидѣться не чаяла,
Вдругъ сыночекъ возвращается.

Вышло молодцу въ безсрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блиновъ Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!
Да не долги были радости:
Воротился сынъ больнехонекъ,
Ночью кашель бьетъ солдатика,
Бѣлый платъ въ крови мокрехонекъ!
Говоритъ: „поправлюсь, матушка!“
Да ошибся — не поправился...
Девять дней хворалъ Иванушка,
На десятый день преставился...
Замолчала — не прибавила
Ни словечка, безталанная.
— Да съ чего же привязалася
Къ парню хворость окаянная?
Хилый, что ли, былъ съ рожденія?..
Встрепенулася Оринушка:
„Богатырскаго сложенія,
Здоровенный былъ дѣтинушка!
„Подивился самъ изъ Питера
Генералъ на парня этого,
Какъ въ рекрутское присутствіе
Привели его раздѣтаго...
„На избёнку эту брёвнышки
Онъ одинъ таскалъ сосновыя...
И вилися у Иванушки
Русы кудри, какъ шелковыя“.
И опять молчитъ несчастная...
— Не молчи — развѣй кручинушку! —
Что сгубило сына милаго —
Чай, спросила ты дѣтинушку? —

„Не любилъ, сударь, разсказывать
Онъ про жизнь свою военную,
Грѣхъ мірянамъ-то показывать
Душу — Богу обреченную!
„Говорить — гнѣвить Всевышняго,
Окаянныхъ бѣсовъ радовать...
Чтобъ не молвить слова лишняго,
На враговъ не подосадовать,
„Нѣмота передъ кончиною
Подобаетъ христіанину.
Знаетъ Богъ, какія тягости
Сокрушили силу Ванину!
„Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Онъ одни слова утѣшныя
Говорилъ мнѣ, умираючи.
„Тихо по двору похаживалъ
Да постукивалъ топорикомъ,
Избу ветхую облаживалъ,
Огородъ обнесъ заборикомъ;
„Перекрыть сарай задумывалъ.
Не сбылись его желанія:
Слегъ — и всталъ на ноги рѣзвыя
Только за день до скончанія!
„Поглядѣть на солнце красное
Пожелалъ,—пошла я съ Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался съ ригой, съ банею.
„Сѣнокосомъ шелъ — задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косилъ тебя во младости! —
И заплакалъ мой Иванушка!

„Пѣсня вдругъ съ дороги грянула,
Подхватилъ, что̀ было голосу:
—„Не бѣлы снѣжки“... закашлялся,
Задышался — палъ на полосу...
„Не стояли ноги рѣзвыя,
Не держалася головушка!
Съ часъ домой мы возвращалися...
Было время — пѣлъ соловушка!
„Страшно въ эту ночь послѣднюю
Было: память потерялася,
Все ему передъ кончиною
Служба эта представлялася.
„Ходитъ, чиститъ амуницію,
Набѣлилъ ремни солдатскіе,
Языкомъ игралъ сигналики,
Пѣсни пѣлъ — такія хватскія!
„Артикулъ ружьемъ выкидывалъ
Такъ, что весь домишка вздрагивалъ;
Какъ журавль стоялъ на ноженькѣ
На одной — носокъ вытягивалъ.
„Вдругъ — метнулся... смотритъ жалобно...
Повалился—плачетъ, кается...
Крикнулъ: „ваше благородіе!“
„Ваше!..“ Вижу—задыхается:
„Я къ нему. Утихъ, послушался —
Легъ на лавку. Я молилася:
Не пошлетъ ли Богъ спасеніе?
Къ утру память воротилася,
„Прошепталъ: прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..
Я надъ Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася...

„И погасъ онъ, словно свѣченька
Восковая предъ иконная“...

Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная!..

VIII.

Необыкновенно сильное впечатлѣніе производитъ поэма Некрасова *Морозъ красный носъ*. Она начинается съ описанія похоронъ молодого крестьянина Прокла. Его смерть явилась неожиданнымъ ударомъ для счастливой семьи. Онъ, всегда работавшій на семью, теперь самъ всѣмъ задалъ работу: старуха-мать пошла покупать для него гробъ, старикъ-отецъ своими руками рылъ могилу, а жена, Дарья, шила саванъ, на который медленно капали ея слезы. Великое горе выпало на долю Дарьи. Съ мужемъ она жила душа въ душу, дѣлила и радости, и труды. Лѣтомъ они вмѣстѣ работали въ полѣ; зимою Проклъ отправлялся въ извозъ, а Дарья ночей не досыпала, сидя за прялкой. Скопили они и помножко денегъ отъ своей трудовой

жизни. Казалось, счастье улыбалось имъ. Но однажды, шагая за подводой, Проклъ упалъ въ сугробъ, прозябъ, простудился и слегъ, чтобы ужъ больше не вставать. Во время похоронъ, дѣтей оставили у сосѣдки; возвратившись съ кладбища, Дарья пошла ихъ провѣдать. Хотѣла она взять ихъ домой, да вспомнила, что изба-то не топлена, и дровъ не осталось. Бѣдная женщина, хоть и убитая горемъ, не упала духомъ, не опустила рукъ; первая ея мысль была о томъ, что кромѣ нея некому теперь позаботиться о сироткахъ. Запрягла она Савраску, взяла топорикъ и отправилась въ лѣсъ нарубить дровъ.

Морозно. Равнины бѣлѣютъ подъ снѣгомъ,
Чернѣется лѣсъ впереди;
Савраска плетется ни шагомъ, ни бѣгомъ,
Не встрѣтишь души на пути.
Какъ тихо! Въ деревнѣ раздавшійся голосъ
Какъ будто у самаго уха гудетъ,
О корень древесный запнувшійся полозъ
Стучитъ и визжитъ, и за сердце скребетъ.
Кругомъ — поглядѣть нѣту мочи.
Равнина въ алмазахъ блеститъ.
У Дарьи слезами наполнились очи—
Должно-быть, ихъ солнце слѣпитъ...

* * *

Въ поляхъ было тихо, но тише
Въ лѣсу и какъ будто свѣтлѣй.
Чѣмъ далѣ — деревья все выше,
А тѣни длиннѣй и длиннѣй.
Деревья, и солнце, и тѣни,
И мертвый могильный покой...
Но — чу! заунывныя пени,
Глухой сокрушительный вой!
Осилило Дарьюшку горе —
И лѣсъ безучастно внималъ,
Какъ стоны лились на просторѣ,
И голосъ рвался и дрожалъ.
И солнце кругло и бездушно,
Какъ желтое око совы,
Глядѣло съ небесъ равнодушно
На тяжкія муки вдовы.
И много ли струнъ оборвалось
У бѣдной крестьянской души, —
Навѣки сокрыто осталось
Въ лѣсной нелюдимой глуши.
Великое горе вдовицы
И матери малыхъ сиротъ
Подслушали вольныя птицы,
Но выдать не смѣли въ народъ...

* * *

Не псарь по дубровушкѣ трубитъ,
Гогочетъ сорви-голова, —
Наплакавшись, колетъ и рубитъ
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросаетъ—
Наполнить бы ихъ поскорѣй,
И врядъ ли сама замѣчаетъ,
Что слезы все льютъ изъ очей:
Иная съ рѣсницы сорвется
И на снѣгъ съ размаху падетъ—
До самой земли доберется,
Глубокую яму прожжетъ;
Другую на дерево кинетъ,
На плашку, — и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынетъ—
Бѣла, и кругла, и плотна.
А та на глазу поблистаетъ,
Стрѣлой по щекѣ побѣжитъ,
И солнышко въ ней поиграетъ...
Управиться Дарья спѣшитъ,
Знай рубитъ, — не чувствуетъ стужи,
Не слышитъ, что ноги знобитъ,
И, полная мысли о мужѣ,
Зоветъ его, съ нимъ говоритъ...

* * *

„Умеръ, не дожилъ ты вѣку,
Умеръ и въ землю зарытъ!
Любо весной человѣку,
Солнышко ярко горитъ,
Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просятъ косы.
„Рано я, горькая, встала,
Дома не ѣла, съ собой не брала,
До ночи пашню пахала,

Ночью я косу клепала,
Утромъ косить я пошла...
„Крѣпче вы, ноженьки, стойте;
Бѣлыя руки, не нойте!
Надо одной поспѣвать!
„Въ полѣ одной-то надсадно,
Въ полѣ одной неповадно,—
Стану я милаго звать!
„Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сѣно убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблихъ отдыхала
Всѣ сѣнокосные дни!..
„Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разумъ наставить“...

Изпыло ея сердце, утомилась она. Работа тяжела, и холодъ все больше даетъ себя чувствовать.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Глядитъ — хорошо ли мятели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели,
И нѣтъ ли гдѣ голой земли?
Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ,
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?

Идетъ — по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.
Дорога вездѣ чародѣю.
Чу! ближе подходитъ сѣдой,
И вдругъ очутился надъ нею,
Надъ самой ея головой!
Забравшись на сосну большую,
По вѣточкамъ палицей бьетъ,
И самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ.

Дѣдушка Морозъ зоветъ ее въ свое ледяное царство, сверкающее алмазами, жемчугомъ, серебромъ,— обѣщаетъ приголубить, согрѣть ее, отдать ей голубой дворецъ... А Дарьѣ межъ тѣмъ вспоминаются картины ея прежней счастливой жизни:

Въ сверкающій иней одѣта,
Стоитъ—холодѣетъ она;
И снится ей жаркое лѣто—
Не вся еще рожь свезена,
Но сжата,— полегче имъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,

Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.
Телѣга, скрыпя, подъѣзжаетъ —
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.
— Богъ помочь! А гдѣ же Гришуха?
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
„Въ горохахъ“, сказала старуха.
— Гришуха! отецъ закричалъ,
На небо взглянулъ.—Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.
Гришуха межъ тѣмъ отозвался:
Горохомъ окутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.
— Бѣжитъ!.. у!.. бѣжитъ, пострѣленокъ,
Горитъ подъ ногами трава—
Гришуха черенъ, какъ галченокъ,
Бѣла лишь одна голова.
Крича подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ).
Попотчевалъ баушку, матку,
Сестренку—вертится вьюномъ!
Отъ матери молодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;
Межъ тѣмъ не дремалъ и Савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,
Добрался, — оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуетъ,
И въ мягкія добрыя губы

Гришухино ухо беретъ...
Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятька, съ собой!
Спрыгнула съ мѣшка — и упала,
Отецъ ее поднялъ. „Не вой!..“
И Проклушка, ставъ на телѣгу,
Машутку съ собой посадилъ.
Вскочилъ и Гришуха съ разбѣгу,
И съ грохотомъ возъ покатилъ.
Воробушковъ стая слетѣла
Съ сноповъ, надъ телѣгой взвилась...
И Дарьюшка долго смотрѣла,
Отъ солнца рукой заслонясь,
Какъ дѣти съ отцомъ приближались
Къ дымящейся ригѣ своей,
И ей изъ сноповъ улыбались
Румяныя лица дѣтей...

Дарьѣ ужъ не жутко. Она перестаетъ чувствовать, перестаетъ страдать. На лицѣ ея играетъ счастливая, кроткая улыбка.

Ни звука! Душа умираетъ
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, какъ покоряетъ
Ее эта мертвая тишь.
Ни звука! И видишь ты синій
Сводъ неба, да солнце, да лѣсъ,
Въ серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудесъ,
Влекущій невѣдомой тайной,
Глубоко безстрастный... Но вотъ

Послышался шорохъ случайный —
Вершинами бѣлка идетъ.
Комъ снѣгу она уронила
На Дарью, прыгнувъ по соснѣ.
А Дарья стояла и стыла
Въ своемъ заколдованномъ снѣ...

На ряду съ мужественной въ горѣ, сильной духомъ крестьянкой Дарьей, Некрасовъ въ другой поэмѣ *Русскія женщины* описываетъ двухъ молодыхъ знатныхъ женщинъ: княгиню Трубецкую и княгиню Волконскую, которыя отказались отъ богатства, почета, пышной жизни и самоотверженно послѣдовали за своими мужьями въ ссылку, въ Восточную Сибирь, чтобы поддерживать и утѣшать ихъ своимъ присутствіемъ. Княгиня Трубецкая послѣ двухмѣсячнаго пути добралась до Иркутска, но здѣсь генералъ-губернаторъ отказался пропустить ее, дать ей лошадей для дальнѣйшаго переѣзда. Онъ убѣждалъ ее вернуться къ отцу; пугалъ ужасами далекаго пути и лишеніями, которыя ей готовитъ жизнь въ пустынной, холодной странѣ; грозилъ, что ей придется подписать отреченіе отъ княжескаго титула, отъ дворянства, отъ имуще-

ства; наконецъ,—увѣрялъ, что ей нельзя слѣдовать дальше иначе, какъ по этапу, пѣшкомъ, при чемъ ее должны будутъ заковать въ кандалы и повести съ партіей каторжниковъ. Однако, все это не поколебало мужества молодой женщины. Она только воскликнула:

Недѣля цѣлая прошла...
Нѣтъ сердца у людей!
Зачѣмъ бы разомъ не сказать?..
Ужъ шла бы я давно...
Велите жъ партію сбирать —
Иду! мнѣ все равно!..

* * *

„Нѣтъ! вы поѣдете!..“ вскричалъ
Нежданно старый генералъ,
Закрывъ рукой глаза:
„Какъ я васъ мучилъ... Боже мой!..“
(Изъ-подъ руки на усъ сѣдой
Скатилася слеза).
„Простите!.. Да, я мучилъ васъ,
Но мучился и самъ,
Но строгій я имѣлъ приказъ
Преграды ставить вамъ!
И развѣ ихъ не ставилъ я?
Я дѣлалъ все, что могъ,
Передъ судомъ душа моя
Чиста,—свидѣтель Богъ!
Острожнымъ жесткимъ сухаремъ

И жизнью взаперти,
Позоромъ, ужасомъ, трудомъ
Этапнаго пути
Я васъ старался напугать:
Не испугались вы!
Я не хочу, я не хочу
Тиранить больше васъ.
Я васъ въ три дня туда домчу...

Во второй части *Русскихъ женщинъ* описывается жизнь княгини Волконской: ея счастливое дѣтство, юность, замужество, свиданіе съ мужемъ въ тюрьмѣ, прощаніе съ маленькимъ сыномъ, котораго она оставляла у своихъ родныхъ, а потомъ отъѣздъ въ Сибирь къ мужу и встрѣча съ нимъ въ рудникѣ.

Читая поэму *Русскія женщины*, нельзя не сочувствовать вмѣстѣ съ Некрасовымъ горю и страданію молодыхъ героинь, нельзя не преклоняться передъ ихъ мужествомъ.

IX.

Сочувствіе къ горю людскому видно во всѣхъ произведеніяхъ Некрасова. Жаль ему тружепика-чиновника, который день

и почь корпитъ надъ работою, чтобы доставить лишній нарядъ своей избалованной женѣ (стихотвореніе *Маша*). Жаль ему молодой женщины, которой попался мужъ-кутила: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы приходится ей продавать обстановку квартиры, которую она съ такою любовью выбирала, думая устроить себѣ теплое и уютное гнѣздышко (стихотвореніе *Дешевая покупка*). Жаль ему дѣтей, которыя „въ золотую пору малолѣтства“, вмѣсто того, чтобы гулять на просторѣ полей, изъ-за горькой необходимости должны работать на душной фабрикѣ, преждевременно надрывая свои неокрѣпшія силы (стих. *Плачъ дѣтей*). Жаль ему крестьянина, подавленнаго нуждою, тяжелымъ неустаннымъ трудомъ и темнотою невѣжественной жизни.

Сколько грусти слышится въ стихотвореніи *Несжатая полоса:*

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.
Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
„Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!
Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,
Заяцъ насъ топчетъ и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ?
Или мы хуже другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли-колосились?
Нѣтъ! мы не хуже другихъ—и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.
Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?..“
Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
— Вашему пахарю моченьки нѣтъ.
Зналъ, для чего и пахалъ онъ, и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.
Плохо бѣднягѣ—не ѣстъ и не пьетъ,
Червь ему сердце больное сосетъ,
Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети,
Очи потускли и голосъ пропалъ,
Что̀ заунывную пѣсню пѣвалъ,
Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою.

Много прекрасныхъ описаній народной жизни мы находимъ въ самомъ обширномъ изъ произведеній Некрасова, въ поэмѣ *Кому на Руси жить хорошо?* Здѣсь ведется разсказъ о семи мужикахъ, которые встрѣтились и поспорили: „кому живется весело, вольготно на Руси“.

Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ: попу,
Купчинѣ толстопузому!
Сказали братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.
Старикъ Пахомъ потужился
И молвилъ, въ землю глядючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву;
А Провъ сказалъ: царю.

„Поспоривши—повздорили, повздоривши — подрались, подравшися — одумались“ и порѣшили не расходиться врозь, не возвращаться по домамъ, не видѣться съ семьями, пока не найдутъ рѣшенья спору своему. На помощь имъ явилась скатерть самобранная, которая вдоволь доставляла имъ и ѣды и питья, и пошли они допытываться по всей Руси, кому хорошо живется. Встрѣтили и разспрашивали священника, помѣщика, попали на сельскую ярмарку, — разузнавали, нѣтъ ли тамъ вполнѣ счастливаго человѣка, но такого не оказалось. Тогда подумали они: «не все между мужчинами отыскивать счастливаго»,—надо поразспросить и бабъ. Указали имъ въ одномъ селѣ на

Матрену Тимоѳеевну, которую люди считали счастливицей. Однако, по ея разсказамъ выяснилось, что и бабья доля также горька. И все-таки, хоть мужички не нашли того счастливца, котораго искали, да зато увидѣли, что за золотое сердце у русскаго человѣка.

Словно живыя встаютъ передъ читателемъ фигуры, нарисованныя Некрасовымъ. Вотъ старый мужикъ, прежде грабитель и обидчикъ, теперь покаявшійся въ неправедной жизни своей.

Власъ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ—старикъ сѣдой.
На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ;
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ;
Да съ желѣзнымъ наконечникомъ
Палка длинная въ рукѣ...
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ

Бога не было: побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;
У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!
Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго,
Слылъ кащеемъ-мужикомъ;
Нрава былъ крутого, строгаго...
Наконецъ и грянулъ громъ!
Власу худо; кличетъ знахаря—
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?
Только пуще все неможется.
Годъ прошелъ,—а Власъ лежитъ,
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.
Говорятъ, ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:
Мучатъ бѣсы ихъ проворные,
Жалитъ вѣдьма-егоза,
Ефіопы—видомъ черные
И какъ угліе глаза,
Крокодилы, зміи, скорпіи
Припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ...
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ.

Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
Удушаетъ лютый смрадъ,
И кружитъ надъ ними съ хохотомъ
Черный тигръ-шестокрылатъ.
Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
Тѣ горячій лижутъ полъ...
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхи свои прочелъ...
Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.
Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.
Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается—
Строго держитъ свой обѣтъ.
Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...
Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.
Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки-Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.
Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтнія жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары—
И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Вырастаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной.

Вотъ бойкій торгашъ дядюшка Яковъ, разъѣзжающій со своею телѣжкой по деревнямъ и селамъ. И чего только нѣтъ въ его телѣжкѣ, какихъ только товаровъ онъ не везетъ съ собою! Обступили его бабы, парни, дѣти, накупаютъ обновы, гостинцы, лакомства. Но не однимъ этимъ торгуетъ дядюшка Яковъ; вытащилъ онъ буквари съ картинками да такъ объясняетъ ихъ пользу:

Букварь—не пряникъ,
А почитай-ка—
Языкъ прикусишь...
Букварь—не сайка,
А какъ раскусишь—
Слаще орѣха!

Убѣдилъ дядюшка Яковъ мужичковъ:

И букварей такъ много купили —
„Будетъ вамъ пряниковъ; нате-ка вамъ!“
Пряники, правда, послаще бы были,
Да разсудилось ужъ такъ старикамъ.
Книжка съ картинками, писана четко —
То-то дойти бы, что писано тутъ!
Молча крѣпилась Ѳеклуша сиротка,
Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ,
А какъ увидѣла въ книжкахъ картинки,
Такъ на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, далъ ей букварь старина:
„Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!“

Однако, хоть по букварю научишься грамотѣ, но этого мало: надо еще имѣть хорошія книжки для чтенія, изъ которыхъ можно было бы вынести и удовольствіе, и пользу. Некрасовъ скорбитъ, разсказывая, какія картины и какія книжки забираютъ книгоноши, офени на сельской ярмаркѣ, чтобы потомъ разносить по деревнямъ. Выбирая картины, они просятъ купца:

И генераловъ дай,
Да только ты по совѣсти,
Чтобъ были настоящіе,
Потолще, погрознѣй!

Порывшись въ ворохѣ картинъ, они еще откладываютъ себѣ

Какого-то сановника
За брюхо съ бочку винную
И за семнадцать звѣздъ.

А книжки-то все плохонькія, лубочныя: про „шута Балакирева“, про „разбойника Сипко“, про „Блюхера“, про „Англійскаго милорда“.

И съ грустью восклицаетъ Некрасовъ:

Эхъ! эхъ! придетъ ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадутъ понять крестьянину,
Что розь портретъ портретику,
Что книга книгѣ розь?
Когда мужикъ не Блюхера
И не милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ?

Прошли года, и пожеланіе Николая Алексѣевича уже сбывается. Сочиненія лучшихъ русскихъ писателей—Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Жуковскаго и другихъ, изданныя дешевыми книжечками, пошли гулять по всей Россіи, и теперь не одну такую книжечку можно найти въ крестьянской избѣ.

Горячо любилъ Некрасовъ родной народъ, горячо желалъ, чтобы въ его средѣ распространялось образованіе, и въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній, написанныхъ незадолго до смерти, обращаясь къ „сѣятелямъ на нивѣ народной“, къ людямъ, радѣющимъ о просвѣщеніи народа, заповѣдовалъ:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо сердечное
Скажетъ вамъ русскій народъ.

382485/60-80

Дешевыя изданія Т-ва И. Д. Сытина.

Подъ редакціей **Н. В. Тулупова.**

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

Баранцевичъ, К.

1. **Гусли. — „Не годится“.** Два разсказа. Ц. 5 к.
2. **Промашка.** Разск. Ц. 5 к.
3. **Простила.** Разск. Ц. 3 к.
4. **Поэтъ.** Разсказъ. Ц. 3 к.

Гольцевъ, В. А.

5. **Что такое подати и для чего ихъ собираютъ?** Ц. 3 к.
   Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. **одобрена** для безплатн. народн. читаленъ и публичныхъ народныхъ чтеній.

Дементьева, Н.

6. **Патріархъ Гермогенъ.** Ц. 5 к.

Ефимова, Е.

7. **Царь-Освободитель Александръ II.** Ц. 6 к.

Засодимскій, П.

8. **Весь вѣкъ для другихъ.** Быль. Ц. 3 к.
9. **Дождалась тетка Аксинья.** (Изъ деревенск. лѣтопис.). Ц. 5 к.
10. **Ѳедька Базлаенокъ.** Быль. Ц. 8 к.

Лукашевичъ, Клавдія.

11. **Бѣдный родственникъ.** Разск. Ц. 5 к.
    Мин. Нар. Просв. **допущена** въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки-читальни.
12. **Въ глухомъ углу.** Разсказъ. Ц. 4 к.
13. **Другъ несчастныхъ—докторъ Гаазъ.** Ц. 5 к.
    Мин. Нар. Пр. **одобрена** для ученич. библіот. средн. и низш. уч. зав.
14. **Искра Божія.** Повѣсть. Ц. 4 к.
15. **Какъ жилъ В. А. Жуковскій и что онъ писалъ.** Ц. 6 к.
16. **Курскій астрономъ-самоучка Ѳ. А. Семеновъ.** Ц. 5 к.
    Мин. Нар. Просв. **допущена** въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки-читальни.
17. **Къ свѣту.** Повѣсть. Ц. 8 к.
    Мин. Нар. Просв. **допущена** въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки-читальни.
18. **Одинъ изъ многихъ.** Повѣсть. Ц. 3 к.

Хавкина, Л.

19. **Н. А. Некрасовъ. Его жизнь и сочиненія.** Ц. 5 к.

Хлѣбникова, Р.

20. **Какъ жилъ Н. В. Гоголь и что онъ писалъ.** Ц. 2 к.

МАГАЗИНЫ Т-ва И. Д. СЫТИНА: въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Варшавѣ, Екатеринбургѣ, Воронежѣ, Харьковѣ и Нижегородской ярмаркѣ.